

Цинь Чаньюань хотел напоить Се Вэньжуя и Сяо И по очень простой причине. Он уже заранее рассчитал дату: вечером, когда он вернется в Академию, будет середина месяца, и Се Вэньжуй непременно придет с вином. Если тот будет занят, а Сяо И будет следить за ним, Цинь Чаньюань не сможет открыто уйти.

Но если удастся напоить обоих, это избавит его от лишних объяснений.

Цинь Чаньюань покачал своей опьяневшей головой и, при свете луны, направился к двери.

После того как Цинь Чаньюань ушел, Сяо И тут же выпрямился, его глаза в лунном свете сверкали пугающе.

—

Луна поднялась в зенит, дверь кабинета наставника Академии была широко открыта, и теплый свет свечей распространялся наружу.

В комнате не было особого движения. Цинь Чаньюань лежал в траве у входа, высматривая внутри.

Он помнил, что приступ яда Гу у Сяо Юньцзиня начинался в полночь. Сейчас было еще немного времени, и ему нужно было замаскироваться.

В прошлый раз Сяо Юньцзинь, не выдержав боли, потерял сознание и не увидел его лица, что позволило Цинь Чаньюаню избежать беды.

Цинь Чаньюань хорошо знал Сяо Юньцзиня. Он понимал, что если тот заподозрит что-то, то сделает все возможное, чтобы докопаться до истины.

Например, выяснить, действительно ли умер Истинный человек Унянь.

Цинь Чаньюань не считал, что сейчас подходящий момент для раскрытия своей личности. Император Цин, прорвавший печать, следил за ним; раса демонов накапливала силы, и их армия, вероятно, стала еще мощнее; династия Цансюань оставалась в стороне, их собственные государственные дела были в беспорядке, и на них нельзя было положиться; Священная война двести лет назад унесла жизни множества элиты пяти земель, и сейчас был неловкий период, когда новое поколение еще не набрало сил, а знатные семьи бездействовали.

Нынешние пять земель были как пороховая бочка, которую могла поджечь даже искра.

В такое время Цинь Чаньюань тем более не мог раскрывать свою личность.

Даже если это станет неизбежным, и его обнаружат, это должно произойти хотя бы после того, как он получит меч Чуюнь.

Цинь Чаньюань был пьян, и хотя в важных делах он оставался трезвым, в мелочах он был не так рассудителен.

Он достал кусочек киновари и, подражая женщинам, нанес ее на щеки, губы, а затем, решив, что этого недостаточно, и на веки.

Когда он закончил подготовку, уже прошло четверть часа после полуночи.

Цинь Чаньюань глубоко вздохнул и осторожно вошел внутрь.

Сяо Юньцзинь сегодня специально не закрыл дверь кабинета и зажег свечи.

Обычно он ненавидел этот день месяца, но сегодня почему-то с нетерпением его ждал.

По всему телу уже началась мучительная боль, но он намеренно игнорировал ее, поддерживая себя слабой и призрачной надеждой, пока не услышал едва различимый шорох одежды у двери.

В этот момент, словно фейерверк, взлетевший в небо, что-то, что он намеренно подавлял в себе пятьсот лет, наконец ярко вспыхнуло в ночи.

На этот раз боль была еще сильнее, он даже не мог пошевелиться. Эта мучительная боль изнуряла его волю, разрушала тело, он терпел так долго, что его конечности начали судорожно дергаться.

Как только Цинь Чаньюань вошел, он увидел эту душераздирающую сцену.

Он давно не видел Сяо Юньцзиня, и тот, казалось, похудел. Его губы потрескались и кровоточили, лицо было искажено от боли, вызванной ядом Гу. Он крепко сжимал подлокотники кресла, вены на руках выступали.

Цинь Чаньюань тихо вздохнул, хотел пройти мимо и задуть горящие свечи, но Сяо Юньцзинь, откуда-то взяв силы, схватил его.

Сяо Юньцзинь сейчас был наполовину в сознании, наполовину без, он действовал инстинктивно, но разум пытался контролировать эти инстинкты.

Цинь Чаньюань испугался, но отказался от этой затеи. Он подошел, поднял голову Сяо Юньцзиня и обнял его, тихо утешая:

— Не болит... не болит...

Сяо Юньцзинь покорно склонился, уткнувшись в грудь Цинь Чаньюаня. Его тело было охвачено сильной болью, и он все крепче обнимал Цинь Чаньюаня.

Изо всех сил он поднял голову, открыл глаза...

Хотел увидеть лицо своего учителя.

Но в тот же миг перед глазами появилась мешанина красного, как грязная кровь на месте преступления.

Сяо Юньцзинь опешил, чуть не потеряв сознание.

Однако, когда силы покинули его, и разум начал туманиться, он краем глаза, в полузабытьи, заметил на поясе гостя что-то красное.

Это был яркий, насыщенный красный узелок желаний.

Небо начинало светлеть, Цинь Чаньюань нежно похлопывал Сяо Юньцзиня по спине. Он посмотрел на небо, окрашенное в цвет рыбьего брюшка, и тихо сказал:

— Сколько лет ты страдал...

—

Сяо Юньцзинь проснулся уже на следующий вечер. С тех пор как он оказался отравлен ядом Гу, он никогда не спал так хорошо.

Сяо Юньцзинь не был человеком, который легко терял рассудок, но вчера, увидев тот узелок желаний, он словно нашел выход для боли, которую таил в себе долгие годы. Ты же вернулся, почему не пришел ко мне? Ты же тоже думаешь обо мне.

Так зачем же заставлял меня страдать пятьсот лет?

Сяо Юньцзинь достал из-под изголовья маленькую красную шкатулку. Он помолчал, а затем открыл ее.

Внутри лежали два узелка желаний.

Один был новым, тот самый, что ему подарил Цинь Чаньюань, а другой выцвел и потрепался, приобретя грязно-красный оттенок. Кончики веревки были словно изжеваны, и узелок явно был старым.

Он достал красный узелок, прикрепил к поясу, затем изменил облик на Сяо И и направился в маленький дворик.

—

Когда Сяо Юньцзинь был маленьким, никто о нем не заботился. В то время семья Сяо была знатным родом в Бэйцзяне, и единственной силой, которая могла с ней соперничать, был клан Гунсунь, хотя и значительно уступавший.

А он, Сяо Юньцзинь, был всего лишь одним из многих сыновей главы семьи, самым незаметным.

Семья Сяо начала приходить в упадок при жизни отца Сяо Юньцзиня.

Клан Гунсунь, напротив, шел другим путем. Их методы были изощренными, они были ответвлением семьи Ляньци из Сицзяна. Они не желали больше терпеть гнет семьи Сяо и сознательно пытались вырваться из затруднительного положения. Все это было неизвестно самонадеянному главе семьи Сяо, Сяо Дуну.

Семья Сяо и клан Гунсунь вместе зависели от Врат Цин, что делало и без того скудные ресурсы культивации еще более ограниченными, и в итоге клан Гунсунь начал строить коварные планы.

В поколении Сяо Юньцзиня не было выдающихся личностей, единственный сын, которого ценил Сяо Дун, был лишь обладателем духовного алтаря седьмого ранга, не более.

Но в день испытания духовного алтаря, когда Сяо Юньцзинь коснулся камня испытания духа, тот, существовавший сотни лет, внезапно разлетелся на куски.

Сяо Юньцзинь — сверхранговый духовный алтарь.

Глава семьи Сяо, Сяо Дун, был человеком, свято верящим в то, что упорство может компенсировать недостаток таланта. После того как Сяо Юньцзинь проявил свои способности, он твердо верил в одну истину: если усердно трудиться, нет ничего невозможного.

В то время Сяо Юньцзинь был еще ребенком, жаждавшим любви и заботы. Его забрали из узкого и ветхого дворика в просторный и светлый дом, где он встретил человека, которого представлял в своих мечтах и тайно называл отцом. Но вместо теплого приветствия он услышал лишь холодные слова:

— Если хочешь быть сыном семьи Сяо, сначала выучи все свитки с техниками меча и заклинания. Через несколько дней я проверю.

В памяти Сяо Юньцзиня отец всегда оставался высоким и холодным силуэтом. Для него «отец» был скорее абстрактным понятием, потому что у других он был, значит, и у него должен быть.

Дети его возраста любили играть, и иногда, когда ему удавалось выйти на улицу, он видел, как другие дети ели сладости или играли с игрушками. Он стоял у прилавка и смотрел.

Смотрел, смотрел, пока не решал, что сладости не такие уж вкусные, а игрушки не такие уж интересные. Тогда он больше не хотел их и уходил довольный.

Он возвращался домой и зубрил толстые свитки с техниками меча и заклинаниями, чтобы соответствовать образу ребенка со сверххранговым духовным алтарем и угодить отцу.

Но однажды клан Гунсунь узнал о Сяо Юньцзине.

Клан Гунсунь давно зарился на несметные богатства и статус семьи Сяо, и теперь у них появился повод действовать. Они боялись таланта Сяо Юньцзиня, и, будучи мастерами ядов и зелий, незаметно подложили ему яд Гу. По их расчетам, Сяо Юньцзинь не дожил бы до двадцати лет.

На самом деле Сяо совсем не умеет пить, если бы не Заклинание отрезвления, он бы опьянел от одного бокала.

<http://bllate.org/book/16414/1487534>